

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

ЯЗЫК ЛИЧНОСТЬ ТЕКСТ

СБОРНИК СТАТЕЙ
К 70-ЛЕТИЮ
Т. М. НИКОЛАЕВОЙ

Ответственный редактор
В. Н. Топоров

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2005

А. А. Гиппиус (Москва)

ДВА ОТЧЕСТВА ПОСАДНИКА МИРОШКИ

Знаменитый новгородский политический деятель XII в. посадник Мирослав Нездинич (посадничал в 1189—1199 гг., умер в 1203 г.) был более известен современникам как Мирошка. Полную форму его имени донесли до нас берестяные грамоты, в которых это лицо дважды выступает как Мирошка (№ 226 и № 936) и дважды — как Мирослав (№ 502 и № 603); см. [НГБ VII: 96—99; НГБ VIII: 63—67; НГБ XI: 174—179; Гиппиус 2003, 53—55; Зализняк 2004, 403—409]. Христианское имя Мирошки нам неизвестно; что же касается отчества, являющегося предметом настоящей заметки, то его Новгородская первая летопись (НПЛ) называет лишь однажды, в сообщении об избрании Мирошки посадником под 6697 (1188) г. Характерным образом в этом указании два извода НПЛ расходятся: в древнейшем Синодальном списке (датируемом в этой его части серединой XIII в.) читается: *отяща посадницьство оу Михаля и вдаша Мирошки Нездиничю*, тогда как в списках младшего извода XV в. вместо *Нездиничу* стоит *Незнаничу* [НПЛ, 39, 230].

Свидетельство старшего извода НПЛ традиционно воспринимается как более достоверное. В его пользу говорит не только древность Синодального списка, но и семейные связи Мирошки, какими они предстают в свете различных письменных источников. Отец Мирошки с высокой вероятностью отождествляется с убитым в 1167 г. биричом Несдой (Нездой): считать так позволяет тот факт, что и сам Мирошка до своего избрания на посадничество исполнял должность бирича, о чем свидетельствует «Церковный устав Всеволода», см. [Флоря 1999, 92]. С другой стороны, летописи известен и брат Мирошки, Внезд Нездинич, отстроивший в 1191 г. фамильную церковь св. Образа на Добрыне улице; этот храм находился в непосредственной близости от боярских усадеб Людина конца, с которых происходят связанные с Мирошкой (Мирославом) берестяные грамоты. Все это позволяет не сомневаться в том, что Мирошка действительно был *Нездиничем*.

Значит ли это, что чтение *Незнаничу* может вообще не приниматься во внимание как позднейшее искажение? По-видимому, нет. Хотя, вообще говоря, случаи искажения в младшем изводе НПЛ редких древнерусских отчеств домонгольской поры имеются — так, Завид Неревинич под 6683 г. явно по ошибке превращен в *Неверонича* — интересующее нас разночтение вряд ли может быть отнесено к

той же категории. Отчество *Нездиничь*, в отличие от уникального *Неревиничь*, не должно было смутить переписчика XV в.: прозвище (фамилия) *Нездинь* встречается в источниках и в более позднее время, см. [Веселовский 1974, 216]. С другой стороны, в отличие от *Невероничь*, представляющего собой чисто книжное измышление, *Незнаничь* соотносится с реально засвидетельствованным именем *Незнанъ*, см. [Там же]. Что особенно примечательно, данный патроним построен по архаичной модели, будучи образован от основы притяжательного прилагательного *Незнанъ* (с йотовым суффиксом). Отчества подобной структуры — *Иваничь*, *Степаничь*, *Романичь* — рано выходят из употребления, уступая место новообразованиям *Ивановичь*, *Степановичь*, *Романовичь*; в НПЛ последний такой пример представлен под 1255 г. (*Михалку Степаницю*, в младшем изводе; в Синодальном списке — *Степановичу*). Уже по этой причине замена Нездинич на Незнанич маловероятна под пером переписчика XV в.; возводить же младший извод НПЛ к списку с новгородской архиепископской летописи, сделанному в XIII в., текстологических оснований нет.

Хотя, как уже было сказано, имя *Незнанъ* известно источникам XV—XVI вв., оно относится к числу редких. Из десятков тысяч лиц, упоминаемых в новгородских писцовых книгах, его носил только один крестьянин [НПК, 5: 255]; еще одним обладателем этого имени был казненный в 1570 г. в Новгороде Юрий Незнанов (упоминается у Веселовского). Из более ранних источников данное имя до последнего времени вообще не было известно.

Тем более значимым оказывается присутствие его в берестяной грамоте № 804, найденной в 1998 г. на Троицком раскопе в слое, стратиграфически датированном последней третью XII в., и содержащей следующий текст:

отъ незнанъка къ рюрь хоцеси ли платити • 6 • гривнъ • али не хоцеси а поеди
въ городъ

Перевод: От Незнанка к Рюре. Собираешься ли платить 6 гривен? Если не собираешься, то поезжай [на суд] в город [НГБ XI, 31].

Данная грамота входит в обширный комплекс документов судебного содержания, найденных на усадьбе «Е» Троицкого раскопа, где в середине XII в. размещался крупный административный центр общегородского масштаба. Новгородец Незнанко был, очевидно, одним из функционеров этой судебной инстанции¹. В конце XII в. в той же роли выступает Мирошка (Нездинич), чья усадьба, как показала в 2003 г. находка грамоты № 936, непосредственно примыкала к усадьбе «Е». Имена Мирошки и Незнанка соединяются, таким образом, в едином археологическом комплексе, связанные с деятельностью одной и той же административной структуры. Вместе с уникальностью — для домонгольской эпохи — имени *Незнанъ(ко)* это дает основание видеть в авторе грамоты № 804 отца Мирошки — Несду, выступающего здесь под тем же именем, что и в младшем изводе НПЛ, только в уменьшительной форме.

Если так, то разночтение двух изводов НПЛ должно быть признано отражающим аутентичную традицию, по которой Мирошка был известен сразу под двумя

отчествами: *Нездинич* и *Незнанич*. Текстологически это вполне возможно. Статья 6697 (1188) г. относится к той части НПЛ, в которой младший извод восходит непосредственно к владычной (архиепископской) летописи, а Синодальный список — к списку с неё, сделанному (по-видимому, для нужд Юрьева монастыря) около 1195 г. [см. Гиппиус 1997, 19—34]. Писец этого списка, заметив, что в его оригинале Мирошка назван Незнаничем, а его брат Внезд — Нездиничем, вполне мог устранить этот разнобой, сведя двух братьев к общему патронимическому «знаменателю».

Остается главный вопрос: мог ли отец Мирошки и Внезда, убитый в 1167 г. боярин Несда, быть еще и Незнаном? В то время как христианско-языческая двуименность была нормой для домонгольской эпохи, другие случаи, когда бы одно и то же лицо упоминалось в источниках под двумя языческими именами, кажется, неизвестны. Спутником языческого имени (как и христианского) часто выступало прозвище (ср. в НПЛ такие пары, как *Внездъ Водовикъ*, *Якунъ Зубецъ* и т. д.); однако *Незнанъ* — не прозвище, а имя, построенное по хорошо известной модели (ср. в берестяных грамотах *Неданъ*, *Псанъ*, *Жданъ* и др.).

Думается, что отсутствие параллелей к предполагаемой двуименности Несды-Незнана не только не составляет препятствия для предлагаемого отождествления, но даже до некоторой степени подтверждает его, объясняясь специфическим характером именно этой пары имен. Ее первый член принадлежит к числу наиболее архаичных древнерусских антропонимов. «Имя *Несъда* (ср. др.-польск. *Niezda* [SSPNO, IV, 1, 61] произведено, как и *Съдила*, *Несъдила*, *Съдѣславъ*, польск. *Żdziesław* (и прочие на *Żdzie-*, *Żdzi-*) от **съ-дѣ-ти* ‘собрать’, ‘соединить’. *Не-съд-а*, по-видимому, построено по той же модели, что *Не-усын-а*, *Не-възор-ъ*, *Не-пробуд-ъ*, *Не-род-а*, *Не-сул-ъ*, др.-польск. *Nie-ustęp*, *Nie-mst-a* и т. п., но относится к более древней эпохе, когда корень **dě-* еще мог усекаться до **d-*» [Зализняк 2004, 357]. Лишенное на синхронном древнерусском уровне словообразовательной мотивации, это имя могло нарекаться как родовое в силу антропонимической традиции.

Внутренняя форма имени *Незнанъ*, напротив, совершенно прозрачна. Это имя представляет собой классический апотропей, призванный защитить новорожденного от нечистой силы путем объявления его «неизвестным», «чужим» (ср. имена *Ненаш*, *Немой*). Пару к *Незнанъ* составляет имя *Невъдомъ* [Веселовский 1974, 214; ср. там же прозвище *Невъдомица*], которое также необходимо рассматривать в контексте родильной обрядности, обыгрывающей «неизвестность» новорожденного (ср. вторичное обыгрывание этого мотива у Пушкина в «Сказке о царе Салтане»: «Родила царица в ночь / Не то сына, не то дочь, / Не мышонка, не лягушку, / А неведому зверушку»²).

отчествами: *Нездинич* и *Незнанич*. Текстологически это вполне возможно. Статья 6697 (1188) г. относится к той части НПЛ, в которой младший извод восходит непосредственно к владычной (архиепископской) летописи, а Синодальный список — к списку с нее, сделанному (по-видимому, для нужд Юрьева монастыря) около 1195 г. [см. Гиппиус 1997, 19—34]. Писец этого списка, заметив, что в его оригинале Мирошка назван Незнаничем, а его брат Внезд — Нездиничем, вполне мог устранить этот разнобой, сведя двух братьев к общему патронимическому «знаменателю».

Остается главный вопрос: мог ли отец Мирошки и Внезда, убитый в 1167 г. боярин Несда, быть еще и Незнаном? В то время как христианско-языческая двуименность была нормой для домонгольской эпохи, другие случаи, когда бы одно и то же лицо упоминалось в источниках под двумя языческими именами, кажется, неизвестны. Спутником языческого имени (как и христианского) часто выступало прозвище (ср. в НПЛ такие пары, как *Внездъ Водовикъ*, *Якунъ Зубецъ* и т. д.); однако *Незнанъ* — не прозвище, а имя, построенное по хорошо известной модели (ср. в берестяных грамотах *Неданъ*, *Псанъ*, *Жданъ* и др.).

Думается, что отсутствие параллелей к предполагаемой двуименности Несды-Незнана не только не составляет препятствия для предлагаемого отождествления, но даже до некоторой степени подтверждает его, объясняясь специфическим характером именно этой пары имен. Ее первый член принадлежит к числу наиболее архаичных древнерусских антропонимов. «Имя *Несъда* (ср. др.-польск. *Niezda* [SSPNO, IV, 1, 61] произведено, как и *Съдила*, *Несъдила*, *Съдѣславъ*, польск. *Żdzisław* (и прочие на *Żdzie-*, *Żdzi-*) от **sъ-dě-ti* ‘собрать’, ‘соединить’. *Не-съд-а*, по-видимому, построено по той же модели, что *Не-усын-а*, *Не-възор-ъ*, *Не-пробуд-ъ*, *Не-под-а*, *Не-сул-ъ*, др.-польск. *Nie-ustęp*, *Nie-mst-a* и т. п., но относится к более древней эпохе, когда корень **dě-* еще мог усекаться до **d-*» [Зализняк 2004, 357]. Лишенное на синхронном древнерусском уровне словообразовательной мотивации, это имя могло нарекаться как родовое в силу антропонимической традиции.

Внутренняя форма имени *Незнанъ*, напротив, совершенно прозрачна. Это имя представляет собой классический апотропей, призванный защитить новорожденного от нечистой силы путем объявления его «неизвестным», «чужим» (ср. имена *Ненаш*, *Немой*). Пару к *Незнанъ* составляет имя *Невъдомъ* [Веселовский 1974, 214; ср. там же прозвище *Невъдомица*], которое также необходимо рассматривать в контексте родильной обрядности, обыгрывающей «неизвестность» новорожденного (ср. вторичное обыгрывание этого мотива у Пушкина в «Сказке о царе Салтане»: «Родила царица в ночь / Не то сына, не то дочь, / Не мышонка, не лягушку, / А неведому зверушку»²).

В связи с этими именами находится и традиционная этимология слав. **nevěsta* < ‘неизвестная’, от **věstь*, **věděti*, получившая новое развитие в работах О. Н. Трубачева. В «неизвестности» ‘невесты’ исследователь видит ритуальную «игру умолчания», обусловленную страхом перед демонами, накладывающим отпечаток на обряды сватовства и свадьбы [ЭССЯ, 25, 72]. Табуистическим характером названия, обыгрывающего якобы «вещный» статус брачующейся девушки,

Трубачев объясняет и словопроизводство от * *věděti*, которое, в отличие от его коррелята **znati*, изначально относившегося к человеку ('знать кого'), характеризовалось отнесенностью к вещам ('знать что'). Как замечает исследователь, если бы не этот дополнительный момент, «мы, казалось, были вправе ожидать иного обозначения 'невесты' в славянском, то есть скорее ***neznana*, а не **nevěsta*» ([Там же], разрядка моя. — А. Г.). На этом фоне пара *Незнанъ* ~ *Невѣдомъ* выглядит особенно показательной.

Апотропеический характер имени предполагает наличие у его носителя другого, «настоящего» имени, до поры до времени скрываемого из-за боязни нечистой силы. Таким «подлинным» именем отца Мирошки и было, очевидно, имя *Несѣда*, соотносившееся с *Незнанъ* как официальное, родовое имя с детским, семейным. Последнее, по идее, должно было бы со временем выйти из употребления, но — как это иногда случается и теперь — «пристало» к своему носителю, закрепившись за ним и вне узкого семейного круга. Для современников отец Мирошки был одновременно Незнаном и Несдой; соответственно, и дети его могли упоминаться и как Незнаничи, и как Нездиници. Кажется неслучайным, что из двух братьев с отчеством *Нездиниць* летописью был первоначально упомянут именно Внезд (*Вън-ѣздъ* — 'въезжающий', см. [Зализняк 2004, 430], имя которого оказалось созвучно данному варианту патронима после осуществления в последнем регрессивной ассимиляции [сд] > [зд].

Заканчивая, нельзя не упомянуть фольклорных «родственников» Несды-Незнана. Родовое имя связывает его с былинным Содко (<*Съдѣко*, см. [Зализняк 2004, 357]), чей вероятный исторический прототип — новгородец Содко Сытинич — заложил церковь Бориса и Глеба в том же 1167 г., в котором бирич Несда был убит [НПЛ, 32]; что же касается семейного имени, то оно заставляет вспомнить сказочного богатыря *Незнайку*, имя которого в записях сюжета представлено и в «пассивном» варианте *Незнамушко*, едва ли не более архаичном (см. [Новиков 1974, 84]).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Тот факт, что документ, в котором адресату предписывается прибыть «в город» (т. е. в Новгород), найден на городской усадьбе, объясняется, по-видимому, тем, что грамота была привезена в Новгород самим адресатом, «вернувшись» таким образом к ее автору, — в настоящее время известен уже целый ряд таких текстов.

² Стоит заметить, что последние две строки Пушкин напрямую заимствовал из записанной в Михайловском сказки: «царица разрешилась не мышью, не лягушкой, неведомой зверюшкой» [Пушкин, 3: 448].

ЛИТЕРАТУРА

- Веселовский 1974 — С. Б. Веселовский. Ономастикон. М., 1974.
 Гиппиус 1997 — А. А. Гиппиус. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 3—72.

- Гиппиус 2003 — А. А. Гиппиус. Комментарий к берестяной грамоте № 226 // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003.
- Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- НГБ VII — А. В. Арциховский, В. Л. Янин. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1962—1976 гг. М., 1978.
- НГБ VIII — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1977—1983 гг. М., 1986.
- НГБ XI — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1997—2000 гг. М., 2004.
- Новиков 1974 — Н. В. Новиков. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974.
- НПК — Новгородские писцовые книги. Т. V. СПб., 1908.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Пушкин — А. С. Пушкин. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 3. М., 1957.
- Флоря 1999 — Б. Н. Флоря. К изучению Церковного устава Всеволода // Россия в Средние века и раннее Новое время: Сб. статей к 60-летию Л. В. Милова. М., 1999. С. 83—96.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Т. 25. М., 1999.